

ПРОБЛЕМА ОБЩЕНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГИПОТЕЗЫ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется проблема общения и коммуникативной компетентности на основе теоретической модели психологических пространств существования человека, разрабатываемой автором. Выдвигается положение о том, что жизнь человека «разворачивается» в четырех базовых психологических пространствах: витальном, функционально-ролевом, самоактуализационном и духовном. В каждом из них общение характеризуется своими специфическими особенностями и осуществляется при помощи определенных коммуникативных стратегий, подробная характеристика которых изложена в данной работе. Проблема коммуникативной компетентности решается как проблема выбора коммуникативной стратегии, которая бы соответствовала, была адекватной задачам того психологического пространства, которое актуализировано в каждой конкретной ситуации общения.

В основе термина коммуникативная компетентность, или компетентность в общении¹, лежат два понятия: коммуникация и компетентность. И если употребление термина «компетентность» в психологии хотя и вызывает некоторые разногласия², то их разрешение – это скорее проблема договоренности в научном сообществе, нежели принципиальная содержательная проблема. Тогда как понятие общение, коммуникация является базовой психологической категорией, на основе которой только лишь и можно содержательно определить понятие «компетентность в общении».

Традиционно общение является предметом социальной психологии, однако впервые эта проблема возникла вовсе не в рамках социальной, но общей психологии. Фактически начало ее изучения положили такие классики психологии, как Л.С. Выготский, Г.С. Салливан и К.Р. Роджерс. Исследуя процесс формирования высших психических функций, Л.С.Выготский делает ставший уже хрестоматийным вывод: всякая высшая психическая функция рождается на свет дважды – сначала как интерпсихическая, затем – как интрапсихическая. Г. Салливан, создатель «межличностной теории психиатрии» утверждает, что личность есть не что иное, как «относительно продолжительный паттерн периодически возникающих межличностных ситуаций, характеризующих жизнь человека». К.Роджерс считает, что только в самом начале жизненного пути человека, его «Я» регулируется исключительно организмическим оценочным процессом, однако очень скоро структура «Я» начинает формироваться через взаимодействие с окружением, в частности со значимыми другими. Результаты теоретических и эмпирических исследований этих великих, а также других менее великих психологов позволили Б.Ф.Ломову в последней четверти прошлого века утверждать, что общение «выступает в роли важнейшей

детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития» [2. С. 248].

Оценивая современное состояние методологических и теоретических исследований проблемы общения, можно увидеть, что ее научно-психологический статус еще более расширяется и углубляется. Так К.Герген формулирует так называемую социорационалистическую метатеорию, претендующую на статус «второй революции в психологии» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по выражению К.Гергена, заключается в преобразовании тезиса Р.Декарта: «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») в «*Communicamus ergo sum*» («Мы общаемся, следовательно, я существую») [3]. Российские психологи В.И.Слободчиков и Е.И.Исаев утверждают, что «общительность, общность являются сущностным атрибутом человека. Он по самой своей природе есть «бытие для других». Проблема общности поэтому не только социальная или историческая; она при более глубоком рассмотрении является глубинно экзистенциальной проблемой... *Д р у г о й* – не просто персонификатор культуры и источник общественно выработанных способностей, а фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения человеческой субъективности, основание нормального развития и полноценной жизни человека» [4. С. 15].

Можно констатировать, что уже не только в научных статьях и монографиях, но и в учебных пособиях понятие общения рассматривается как междисциплинарная психологическая категория: общение «является непрерывным условием любых форм социальной и индивидуальной жизни человека» [5. С. 23], «общение – это *универсальная реальность бытия человека*, порождаемая и поддерживаемая разнообразными формами человеческих отношений. В этой реальности формируются и развиваются как различные виды социальных отношений, так и психические особенности отдельного человека» (курсив мой – О.М.) [6. С. 56].

Признание того, что общение является полифункциональным психологическим явлением, имеющим сложную структуру, выступающим одновременно и как условие, и как детерминанта, и как процесс, и как ценность, и как онтологическое основание всей жизни человека, требует выбора адекватных методологических и теоретических основ для изучения феномена коммуникации и, как следствие, проблемы коммуникативной компетентности. С нашей точки зрения в качестве такого методологического основания может

¹ Понятия коммуникативная компетентность и компетентность в общении здесь используются как синонимы, так же как и понятия общение и коммуникация.

² Так в социальной психологии чаще встречается термин коммуникативная компетентность, тогда как в клинической – компетенция. Различное использование скорее связано с традицией, так как содержательно эти понятия различаются лишь незначительными в данном контексте нюансами. По определениям из словаря: «компетенция» (от лат. *competere* добиваться; соответствовать, подходить) – круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен; «компетентный» (от лат. *competens* соответствующий; способный) – знающий, сведущий в определенной области; «компетентность» – обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо [1. С. 295].

выступить системный подход, а в качестве теоретической модели – разрабатываемая автором концепция психологических пространств существования человека [7 – 9 и др.].

К настоящему времени в области общей психологии и психологии личности создан целый ряд теорий, утверждающих, выделяющих и описывающих стадии и уровни самых разных психологических и личностных структур. Среди таких теорий можно назвать теории развития мышления (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский), концепцию уровней развития морального сознания (Л. Колберг, К. Гилиган), уровневые теории мотивации (А. Маслоу, П.В. Симонов), модели структуры сознания (А.Н. Леонтьев, К. Уилбер), представления о соотношении понятий индивид, социальный индивид, личность (А.М. Арсеньев, В.В. Столин), уровневую модель ценностно-смысловой сферы человека (Б.С. Братусь), концепцию уровней переживания (Ф.Е. Василюк) и др. Наличие такого разнообразия уровневых моделей позволяет сделать предположение о том, что, во-первых, психика человека *вообще* имеет уровневую структуру, во-вторых, каждый уровень характеризуется *специфическим* содержанием и особенностями протекания психических процессов, в-третьих, каждый уровень имеет *системную* организацию, в которой все личностные, мотивационные, когнитивные, эмоциональные процессы, функции, структуры взаимопределяют друг друга. Этот общий вывод позволяет трансформировать базовое понятие *уровень*, используемое во всех вышеназванных концепциях. Поскольку эти концепции описывают организацию частных психологических структур в основном в соответствии с генетическим, структурным или этическим принципом, употребление понятия *уровень* является адекватным, так как оно имманентно включает в себя иерархический признак (лучше-хуже, выше-ниже, более развито-менее развито, сложнее-проще и т.п.). Если же опираться на представление о системной организации психики человека, то более адекватным термином может выступить термин психологическое *пространство*. Во-первых, это понятие лишено оценочного атрибута. Как мы увидим далее, каждое психологическое пространство отвечает специфическим онтологическим задачам существования человека. И об этих задачах нельзя говорить, что одна из них более важна, чем другая. Во-вторых, понятие «пространство» не включает в себя признак сложности. Это важно потому, что при переходе из пространства в пространство какие-то психологические структуры возникают и усложняются, а какие-то, напротив, умирают или упрощаются. В-третьих, использование понятия *уровень* в генетическом аспекте почти всегда предполагает, что вышележащий уровень возникает и развивается на основе нижележащего уровня, тогда как понятие пространства позволяет избежать этой достаточно строгой связи и говорить об относительной автономности психологических пространств в онтологическом аспекте. И, наконец, в-четвертых, позитивным аспектом понятия пространство является то, что оно предполагает наличие измерений (базовых координат), при помощи которых можно описывать процессы, происходящие в конкретном психологическом пространстве.

Сделав эти предварительные замечания, перейдем к описанию выделяемых нами основных психологических пространств существования человека. Обобщая вышеперечисленные «уровневые» концепции, можно выдвинуть гипотезу о том, что психологическое существование человека разворачивается в четырех базовых пространствах: витальном, функционально-ролевом, самоактуализационном и духовном³. Каждое из них можно описывать на двух уровнях: объективном (онтологическом) и субъективном (психологическом). Объективный уровень анализа обнаруживает системообразующие факторы каждого психологического пространства, в качестве которых, с моей точки зрения, выступают *онтологические* задачи, задачи бытия – существования и развития – человека. Субъективный уровень анализа психологических пространств предполагает выявление и описание тех *психологических* орудий, инструментов и средств (то есть психологических функций, структур, механизмов и т.д.), которые обеспечивают освоение человеком каждого пространства, функционирование в нем для решения онтологических задач.

Онтологической задачей витального пространства является обеспечение, прежде всего, физического *выживания* человека (отсюда и название этого пространства). Психологические же принципы и механизмы осуществления человека в этом пространстве, по сути, идентичны физиологическим – это принципы гомеостаза (З. Фрейд) и минимизации энергии, или «экономии сил» (П.В. Симонов), которые на психологическом уровне конкретизируются в принципах удовольствия и удовлетворения потребностей здесь-и-теперь (З.Фрейд). Взаимоотношения человека с миром в витальном пространстве характеризуются ценностным отношением к собственным потребностям и объектным отношением к миру, что в психологии обозначается понятием «эгоцентризм»: «мир существует для удовлетворения моих потребностей».

Онтологической задачей человека в функционально-ролевом пространстве является его включение в социальную группу, в человеческое общество. А это возможно лишь при условии выполнения человеком социальных *ролей*, его *функционирование* как социального индивида. Таким образом, главным основанием включения человека в социальную группу является принцип социокультурной (групповой) нормативности (Т.Шибутани), то есть соответствия, совпадения индивидуальных ценностей и ценностей социальной группы. Взаимоотношения человека с миром в функционально-ролевом пространстве характеризуются ценностным отношением к нормам и ценностям тех социальных групп, в которые включен индивид, и объектным отношением к миру, другому человеку и самому себе.

Онтологической задачей человека в пространстве самоактуализации является реализация индивидуального потенциала, действительное стремление стать тем, кем человек может стать. Здесь бытие человека ориентировано на *процесс* жизни, а не на достижение ка-

³ В более ранних публикациях [9] приведена логическая аргументация для выделения этих четырех психологических пространств через представление о сущности человека.

кой-либо заранее известной, представляемой цели, поэтому только это психологическое пространство дает человеку неограниченные возможности индивидуального развития, истинной продуктивности, творчества⁴. Только здесь человек впервые открывается миру и самому себе, и главным в его жизни становится не удовлетворение собственных эгоцентрических потребностей, не исполнение групповых норм, правил, ролей, а свободное творчество, конечной целью которого является познание и осуществление себя как индивидуальной единицы бытия. На этом уровне в структуре личности происходят очень важные изменения, главным из которых является интеграция личности. А.Б. Орлов определяет этот процесс термином персонификация. «Персонификация ... проявляется не в стремлении человека «быть личностью», но в его стремлении быть самим собой... Во всех случаях персонификации мы имеем дело с увеличением зон актуализации человека, с ослаблением противостояния «персоны» и «тени» в личности человека, с отказом от личностных «фасадов», то есть с большим самопринятием человека. Успешно протекающий процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур, повышает степень позитивности, эпатичности и конгруэнтности (К.Роджерс) человека и тем самым способствует повышению степени общей аутентичности» [10. С. 11]. Основными принципами, которым подчиняется существование человека в пространстве самоактуализации, являются принцип транзистазиса (А. Маслоу, Б.С. Братусь), свободы и ответственности (Э. Фромм, В. Франкл) и принцип творчества (К. Роджерс, А. Маслоу). Взаимоотношения человека с миром в самоактуализационном пространстве характеризуются ценностным отношением к своему внутреннему Я, к своей Самости и, как следствие, ценностным отношением к миру и другому человеку.

Психологическое описание духовного пространства представляет собой известную трудность в связи с целым рядом причин как методического и методологического⁵, так и гносеологического порядка⁶. Можно сказать, что научная психология только подступает к

проблеме духовности, «набрасывает» идеи, пытается не столько найти решения, сколько нащупать пути, подходы к ее решению. Актуальность же этой проблемы для всей психологии подтверждается тем, что эти подходы формируются в самых разных отраслях психологического знания – общей психологии, персонологии, клинической психологии, социальной психологии.

При всех существующих на сегодняшний день различиях в понимании духовности самыми разными исследователями – философами и психологами – можно выделить некий инвариант, который точнее всего, с моей точки зрения, сформулировал А. Швейцер [11]. Этот инвариант выражен в центральном тезисе концепции философа – «благоговение перед жизнью», который и выражает одновременно и онтологическую задачу, и основной принцип существования человека в духовном психологическом пространстве. Человек, действуя по этому принципу, равно относится к любой жизни, не задумываясь, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, не спрашивая, может ли эта жизнь ощутить его доброту. Нравственное поведение человеческого человека для А.Швейцера – это безграничная ответственность за все, что живет. «Поистине нравственен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред» [Там же. С. 253]. Главной характеристикой человека в духовном пространстве является преодоление его противопоставленности миру. Это пространство характеризуется снятием всех и всяческих границ, разделений, дихотомий и противоположностей, как внутренних, так и внешних. С одной стороны, внутренние психологические структуры человека одновременно становятся максимально дифференцированными и максимально интегрированными. С другой стороны, на этом уровне постигается единство и неразделенность мироздания, а видимый чувственно воспринимаемый мир «становится», осознается как необходимые различные проявления единого Бытия. Духовное Я человека становится проявленным, преодолевается индивидуалистическое разделенное бытие человека и начинается его осознанное непосредственное Бытие, существование в Духе. В духовном пространстве цель становится равной способу и принципам существования, которые можно определить как Любовь-Мудрость. Феноменологически это выражается в безусловном *ценностном* уважении (принятии) себя, других, ситуации, мира вообще («Жизнь мудрее нас»). Это означает не просто безусловное принятие себя, другого, мира, но принятие *всех* проявлений Бытия как драгоценного Дара.

Все вышеназванные психологические пространства выступают как объективная данность для каждой человеческой жизни, тогда как адекватное освоение этих пространств является субъективной жизненной проблемой человека. И в конечном итоге, качество конкретной человеческой жизни определяется степенью освоенности, выраженности тех или иных психологических пространств.

Какие же психологические процессы реально детерминируют «вхождение» человека в пространства

⁴ В витальном пространстве возможность развития ограничена актуальной (наглядной) ситуацией, здесь можно говорить лишь о научении, то есть усвоении тех средств, при помощи которых субъект может воздействовать на физический и социальный мир. В функционально-ролевом пространстве развитие ограничено теми групповыми нормами, которые являются специфическими для каждой группы, и в этой связи возможность индивидуального развития определяется уровнем развития групповых норм, правил, ценностей, морали, культурно обусловленных способов мышления и т.д. Группа, с одной стороны, «заставляет» развиваться включенных в нее индивидов, но, с другой стороны, кладет предел такому развитию.

⁵ В силу царившей несколько столетий естественно-научной методологии («картезианское» мышление) в области научных исследований, крайним выражением которой явилась позитивистская парадигма, такие категории, как дух, духовность, были фактически исключены из сферы психологических исследований, за которыми признавался статус научных. Эти категории разрабатывались в рамках религиозных традиций, так называемой эзотерической психологии или, в «лучшем случае», в рамках «религиозных философий».

⁶ Более существенной, гносеологической, трудностью исследования проблемы духовности является положение о принципиальной «беспредельности», «неопределимости» духовного Я человека. «Психология не может претендовать на определение понятия «духовное Я» хотя бы потому, что «определить» – значит положить предел беспредельному» [12. С. 197].

его существования? Есть все основания предполагать, что основная роль принадлежит процессу коммуникации, общения. «Индивид *Homo Sapiens* наследует или, точнее, осваивает свою человеческую природу, включаясь в необходимые для осуществления самой его жизни исторические формы общения с другими людьми...» [13. С. 27 – 28]. Конкретизируя тезис К. Гегена «Мы общаемся, следовательно, я существую», можно утверждать: «Каково качество моего общения, таково и качество моей жизни». Отсюда возникает вопрос: «Что же, в свою очередь, определяет качество человеческого общения?» Если обратиться к исследованиям коммуникации в социальной психологии, то можно заметить, что ученые выделяют и анализируют фактически внешние, хотя и очень важные аспекты, коммуникации, такие как стороны общения, цели общения, правила, роли, средства и приемы коммуникации и т.п. Ответ же на вопрос о сущностной, системообразующей характеристике общения мы находим в философии и общей психологии – это *отношение к другому человеку*. «Два принципиально различных, но соотносенных между собою ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия» [14. С. 147] – утверждает М.М. Бахтин. С.Л. Рубинштейн пишет: «... Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляют ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его че-

ловеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношения человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной теории» [15. С. 262 – 263]. Таким образом, анализ качества человеческого общения предполагает анализ качества *отношения* человека к другому человеку.

В психологии выделяют два основных типа отношений к другому: *объектное*, характеризующееся отношением к партнеру как средству, орудию достижения своих целей, и *субъектное*, характеризующееся отношением к партнеру как ценности [16 – 18 и др.]. Тот или иной тип отношения определяет форму или вид общения, каждый из которых, в свою очередь, реализуется при помощи определенных коммуникативных стратегий; соотношение же коммуникативных стратегий партнеров в реальном общении дает так называемый коммуникативные паттерны.

Если обобщить все вышеизложенное, высвечивается следующая логическая цепочка: психологические пространства существования человека $\leftrightarrow$ отношение к другому человеку $\leftrightarrow$ виды общения $\leftrightarrow$ коммуникативные стратегии $\leftrightarrow$ коммуникативные паттерны. Попробуем теперь содержательно наполнить названные обобщенные аспекты коммуникации (табл. 1).

Особенности общения в базовых психологических пространствах существования человека¹

Психологические пространства существования человека	Типы отношения к другому	Виды общения	Коммуникативные стратегии	Коммуникативные паттерны	
				комплементарные	симметричные
Витальное	Объектное	Интракоммуникация $S \rightarrow O$	1. Доминирование 2. Подчинение	Доминирование – подчинение (кооперация)	1. Доминирование – доминирование (соперничество за позицию «сверху»)
			Манипуляция	Манипуляция – подчинение манипуляции (обман)	Манипуляция – манипуляция (рефлексивная игра)
			Компромисс	Компромисс – компромисс (взаимные уступки)	Компромисс (взаимные уступки)
Функционально-ролевое	Объектное	Экстракоммуникация $\begin{array}{c} O \\ \swarrow \searrow \\ S \quad S \end{array}$	Формально-ролевая	Кооперация на основе одинаковых представлений о ролевых правах и обязанностях	Соперничество на основе неодинакового понимания ролевых прав и обязанностей
			Деловая	Кооперация на основе одинакового понимания задачи	Соперничество на основе неодинакового понимания задачи
Самоактуализационное	Субъектное	Интеркоммуникация $\begin{array}{c} O \\ / \quad \backslash \\ S \quad S \end{array}$	Партнерская	Сотрудничество на основе согласования интересов и намерений	
			Содружество	Объединение для реализации совпадающих интересов, целей, намерений	
Духовное	Субъектное	Транскоммуникация $S - S$	Осознанное использование всех возможных коммуникативных стратегий		

¹ Содержание данной таблицы представляет собой обобщение многочисленных исследований авторов, занимающихся проблемами коммуникации: Г.М. Андреевой, Г.С.Батищева, Э.Берна, Г.Бейтсона, П. Вацлавика, Е.Л. Доценко, В.И. Кабрина, Л.А. Петровской, К. Роджерса, К. Томаса и многих других.

Как уже было сказано, существование человека в витальном пространстве характеризуется отношением к партнеру как объекту. Другой человек, партнер выступает как средство или как условие, способствующее или препятствующее достижению собственных эгоцентрических целей. В.И. Кабрин [19] предлагает очень точный термин для обозначения такого рода общения – *интракоммуникация* – это «силовое, спонтанное, импульсивное, то есть неадаптивное и закрытое, замкнутое внутри себя общение». Такое общение является принципиально монологическим и характеризуется сохранением лишь видимого паттерна диалога как поочередного говорения, однако фактически отсутствует поочередное слушание. В этом случае имеет место скорее обмен монологическими высказываниями, односторонняя декларация своей позиции, мнения, требования, решения и т.д. без соотношения с позицией, мнением, решением партнера. Коммуникативные позиции партнеров по общению характеризуются закрытостью, неравенством, крайне выраженной эгоцентрической установкой. «Эгоцентрическая доминанта формирует восприятие другого по типу «Двойника»: вместо собеседника человек видит свою проекцию» [12. С. 196], «говорит и бредит сам с собой» [20. С. 335]. Общение такого эгоцентрического субъекта превращается в деятельность, взаимодействие урезается до воздействия. В этом случае процесс общения является не объединяющим, а разделяющим процессом, и энергия субъекта и его психологические «умения» направлены на то, чтобы «правильно» надавить, запугать, обмануть, перехитрить, подкупить, польстить партнеру и т.п.

Основными коммуникативными стратегиями, при помощи которых осуществляется такого рода общение, являются стратегия доминирования и дополнительная к ней стратегия подчинения, а также манипуляция. Доминирование выражается в открытом, без маскировки, императивном воздействии – от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа – с использованием грубого простого принуждения. Дополнительной (комплиментарной) к ней является стратегия подчинения на основе подавления собственных негативных эмоций. Коммуникативный паттерн «доминирование – подчинение» даже при сохранении видимости согласия между партнерами является потенциально, внутренне и внешне, конфликтными. Позиция подчинения характеризуется тем, что партнер вынужденно должен пренебрегать своими интересами, подавлять возникающие негативные эмоции, мириться с происходящим, оправдывая себя тем, что надо сохранять хорошие отношения, душевное равновесие, работу, брак и т.д. В этой позиции человек, чтобы оправдать свое унижительное положение, часто прибегает к самообвинению, корит себя за излишнюю раздражительность, обидчивость и т.п. Понятно, что эта ситуация опасна для личностного здоровья человека и всегда чревата тем, что внутренний конфликт трансформируется во внешний.

Другой коммуникативной стратегией витального пространства является манипуляция. Как справедливо замечает С.Л. Доценко, «в чистом виде объектное отношение проявляется нечасто, поскольку, во-первых, вызывает моральное осуждение со стороны окру-

жающих и, во-вторых, часто технологически невыполнимо, поскольку приходится считаться с сопротивлением адресата воздействия, отстаивающего свое право на субъектность» [17. С. 101]. Поэтому субъект общения вынужден «усовершенствовать» те средства, при помощи которых он может воздействовать на своего партнера. Однако в витальном пространстве вектор такого усовершенствования всегда направлен на изобретение все более изощренных способов коммуникативного обмана, что и выражает суть манипуляции. В этом случае давление на партнера не прямое, а более сложное, опосредованное, скрытое, с оглядкой на производимое впечатление.

Комплементарные (дополнительные) коммуникативные паттерны обеспечивают достижение внешне бесконфликтного социального взаимодействия при увеличении внутренней напряженности и конфликтности. Реализация симметричных паттернов, таких как «доминирование – доминирование», «подчинение – подчинение», «манипуляция – манипуляция», всегда приводит к соперничеству, конкуренции, проявляющейся не только во внутренней, но и внешне выраженной конфликтности.

Важно отметить, что интракоммуникативное взаимодействие всегда строится по типу «выиграл – проиграл», то есть если один из партнеров выигрывает, то другой – обязательно проигрывает. Переходной коммуникативной стратегией к более высоким формам социального взаимодействия является компромиссная стратегия. С одной стороны, здесь все еще сохраняется тенденция партнеров выиграть за счет другого, но с другой стороны, стремление к компромиссу является социокультурной нормой современного общества, которая заставляет человека учитывать не только свои интересы, но и интересы партнера. В компромиссном общении позиции партнеров могут выравниваться, однако в подавляющем большинстве случаев это приводит не к взаимному выигрышу, но – взаимному проигрышу: в результате компромисса проигрывают оба, только проигрыш делится на двоих.

В функционально-ролевом пространстве основой и регулятором общения выступают социально принятые ценности, моральные нормы, правила, ролевые предписания. В этом пространстве не только сохраняется объектное отношение к партнеру, но и реализуется объектное отношение к самому себе. То есть фактически в качестве истинного субъекта такого общения – активного, направляющего, контролирующего – выступает не кто-либо из партнеров, но те социокультурные императивы, которые интериоризируются в процессе социализации и «закрепляются» в соответствующих внутренних психологических структурах – в структуре формально-логического мышления, морально-этического сознания, системы ценностей и т.п. Формула, кредо существования эгоцентрического индивида «я хочу» в функционально-ролевом пространстве трансформируется в формулу существования социального индивида – «я должен». Общение в этом пространстве приобретает форму *экстракоммуникации* [19], так как партнеры решают в определенном смысле внешние для них задачи – социальные. Не надо думать, что такой вид общения характерен только лишь для трудовой, потребительской, политической и

т.п. сфер жизнедеятельности человека, по этому же типу во многом строятся и такие виды межличностных отношений, как супружеские или родительско-детские и даже дружеские и любовные. Определяя онтологические основания экстракоммуникативного взаимодействия, важно отметить, что этот вид взаимодействия обеспечивает возможность ненасильственного сохранения и функционирования любой социальной группы как субъекта деятельности, конституируя объективные (в данном контексте не зависящие от субъекта) основания для разрешения конфликтных ситуаций.

Коммуникативную стратегию, которая обеспечивает этот вид общения, можно обозначить как формально-ролевую. Согласованное социальное действие осуществляется на основе дополнительности (комплементарности) ролевых прав и обязанностей: то, что является правом одного партнера, обязательно должно быть обязанностью другого [21]. В случае отсутствия такого соотношения возникает то, что в социальной психологии называют социально-ролевым конфликтом, а его разрешение обеспечивается согласованием ролевых предписаний. Не случайно поэтому, партнеры в подобных ситуациях практически всегда апеллируют к безличным формально-ролевым предписаниям, или оформленным документально (различные кодексы, уставы, должностные инструкции и т.п.), или же – к «неписаным правилам», принятым в той или иной группе (например, «ты как студент, преподаватель, муж, сын, друг, пассажир трамвая и т.п. *должен*...» или «в нашей семье, коллективе, стране и т.п. *принято*, чтобы...»).

Переход к более высоким формам коммуникации происходит через деловую коммуникативную стратегию. Реализация этой коммуникативной стратегии характеризуется уже центрацией партнеров не на следовании формально-ролевым предписаниям, но на решении какой-либо задачи, выполнении дела. Здесь хотя и сохраняется внешняя детерминация процесса общения, преодолевается его ограниченность формальными нормами.

В самоактуализационном пространстве впервые возникает ценностное отношение и к самому себе, и к партнеру, а если точнее, ценностное отношение к сущностному Я – своему и партнера, а процесс общения с необходимостью приобретает форму *интер*-коммуникации [19], которая основывается на принципах уважения, а значит равенства партнеров, и доверия как принципа, обеспечивающего возможность быть открытым и конгруэнтным в коммуникативном процессе.

Основной формой общения самоактуализирующейся личности является диалог. В диалоге партнеры не только говорят, не только слушают, но и слышат друг друга. Позиция собеседника оказывается не только понятной, но и эмпатически принятой, а значит включенной во внутреннюю структуру. Внешний диалог «перетекает» во внутренний, и наоборот. «Собеседники в диалоге свободны от внешних, внеличных целей, прагматических интересов, задач убеждения, переубеждения и т. д. Межличностный диалог вообще не имеет никакой конечной цели, хотя это не значит, что решение «внешних» задач из диалога ис-

ключается, это значит, что решение этих задач является побочным, неглавным, хотя часто и обязательным результатом реального общения. Это общение центрировано на процессе, а не на результате» [16. С. 206]. Ведущую роль в диалоге играет свобода самосуществления, которая определяется как конгруэнтность, подлинность самовыражения, что предполагает веру в себя и доверие к себе, освобождение от страха несоответствия каким-либо внешне заданным нормам, от защит, стереотипов, масок. Межличностный диалог – самоценное, самодетерминируемое и самодостаточное, личностно-центрированное общение. Чем ближе общение к этому уровню, тем оно более спонтанно. «Диалог есть свободное общение свободных людей, коммуникативная... форма существования свободы» [16. С. 203].

С.Л. Братченко [Там же] выделяет в качестве основных атрибутов межличностного диалога следующие: свобода собеседников, их равноправие (взаимное признание свободы), личностный контакт между ними на основе сопереживания и взаимопонимания, а для операционализации понятия «равноправие» предлагает конструкт «коммуникативные права личности», с помощью которого может быть описана система психолого-правовых оснований общения, определяющая границы свободы собеседников таким образом, чтобы обеспечить их взаимодействие на основе взаимного признания и ненасилия. Основные коммуникативные права – это право на собственную систему ценностей, на самодетерминацию, на достоинство и его уважение, на индивидуальность и его своеобразие, на независимость, на отстаивание своих интересов. Нарушение этих прав деформирует коммуникативное пространство и изменяет качество общения. Одной из центральных проблем диалога и одновременно одним из источников и механизмов личностного роста является согласование собеседниками своих прав и свобод. Социальность человеческого существования заключается в том, что это всегда сосуществование; свобода каждого человека неизбежно взаимосвязана и постоянно соприкасается со свободой другого. Поэтому возможности неагрессивной самореализации во многом определяется культурой межличностных границ – способностью к их оптимальному определению в каждой конкретной ситуации. Коммуникативные права и ответственность призваны зафиксировать границы свободы субъектов и осуществить переход к невластным отношениям. Это и значит перестать относиться к другому как к вещи и признать его субъектность. В реальном общении достижение равноправия представляет собой сложную проблему, особенно в ситуациях, где собеседники имеют определенные признаки неравенства. Ответственность за реализацию коммуникативных прав и способ их применения определяется самим субъектом этих прав, исходя из собственного понимания конкретной ситуации. Например, личность может добровольно отказаться от своих прав, сократить пространство своей свободы. Личность свободна ослабить степень диалогичности своего участия в общении или даже вовсе отказаться от диалога.

Имея в виду сложность осуществления такого общения в реальных ситуациях, можно выделить две

основные коммуникативные стратегии в пространстве самоактуализации – партнерство и содружество, которые обеспечивают различную степень включенности, актуализации Я человека в процессе взаимодействия. Партнерство характеризуется равноправными, но осторожными [17] отношениями, основанными на согласовании взаимных интересов, границ свободы, тех сфер существования, в которых человек может актуализировать свое Я именно с этим партнером. Тогда как содружество предполагает не частичную, но полную включенность Я человека в процесс коммуникации. Чем более полным, открытым и конгруэнтным будет общение партнеров, тем больше вероятность обнаружить и принять в самом себе собственную полную природу. «Может быть, я могу обнаружить и подойти ближе к тому, что я действительно есть глубоко внутри – иногда гневу, иногда страху, иногда любви и заботе, иногда красоте, иногда силе, иногда ярости – не скрывая этих чувств от себя. Может быть, я могу придти к тому, чтоб ценить себя как столь богато разнообразного человека, каким я являюсь. Может быть, я открыто могу быть таким человеком. Если так, я могу жить по своим собственным пережитым ценностям, хотя я и знаю обо всех социальных кодах и нормах. Я могу позволить себе быть всей этой сложностью чувств, значений и ценностей со своим партнером — быть достаточно свободным, чтобы отдаваться любви, гневу, нежности, как они существуют во мне, тогда возможно я могу быть реальным партнером, потому что я на пути к становлению реальным человеком. И я надеюсь, что могу помочь моему партнеру следовать своим собственным путем к своей личной уникальности, которую я готов с любовью разделить» [22. С. 360]. То понимание диалога, которое развивают представители диалогических концепций в философии, характеризует именно эту форму взаимодействия. М.М.Бахтин утверждает, что диалог не обозначает простую знаково-символическую коммуникацию, в нем человек входит в отношение события с другой сущностью. Он переживает это состояние единения, которое не есть слияние двух сущностей в одну. Каждая из этих сущностей остается самой собой, но более обогащенной моментом события с «другим», позволяя другому быть и оставаясь в его состоянии «другости» [14]. Г.С.Батищев определяет такое общение, как онто-коммуникацию, глубинное общение. «Человек не может вступить в онто-коммуникацию частично, фрагментарно, не до конца адресуя другому свою обращенность к нему. В онто-коммуникацию вступить способен только тот, кто отказался от своемерия, не сообщает нечто о чем-то, не внушает правду, не вопрошает о чем-то, ничего не требует, ничего никому не навязывает, не проецирует на другого свое мерило. Здесь он являет самого себя, раскрывает правду какова она есть, ставит под вопрос самого себя – проблематизирует себя для другого, раскрывает себя навстречу для другого. В глубинном общении обращенность к другим выступает не в форме человеческой речи или мышления, а как слово-поступок, как «высказывание бытия в его самоадресованности к другому. Слово, в этом случае, есть «дело – делание»» [23. С.125].

Проанализируем теперь возможные в этом психологическом пространстве коммуникативные паттерны (соотношение коммуникативных стратегий партнеров). Если в предыдущих психологических пространствах симметричность всегда означала соперничество, конфликтность, а комплементарность – согласие, кооперацию, то в самоактуализационном пространстве обязательным условием комплементарности коммуникативных стратегий является их симметричность, а коммуникативное взаимодействие партнеров принципиально неконфликтно. Фактически здесь партнеры по общению становятся «партнерами по самоактуализации».

Общение в духовном психологическом пространстве приобретает форму *транскоммуникации* [19], то есть преодолеваются, трансцендируются привычные формы коммуникации, поэтому описать общение партнеров, находящихся на высоком уровне духовного развития, при помощи рациональных понятий крайне сложно. Здесь более адекватным является феноменологический или метафорический язык: духовное общение всегда светло, благостно, непосредственно – «душа с душою говорит». Очевидно, что такое общение встречается очень редко и возможно лишь тогда, когда общаются два духовных человека. В обычной жизни оно возможно в особых обстоятельствах, в особые моменты жизни: в высших точках переживания любви, в случаях пик-переживаний (А. Маслоу) или переживания единения с природой, с великими произведениями литературы и искусства. Чаще же всего человек, стоящий на более высокой ступени в развитии духовности, общается с людьми, у которых актуализированы низлежащие психологические уровни (витальный, функционально-ролевой, самоактуализационный). В этом случае непосредственное духовное общение становится невозможным, так как партнер обращен к миру не своим духовным, а наличным, актуальным Я. И если иметь в виду, что путь духовности – это путь служения, «утверждения любой жизни», которая всегда есть процесс бесконечного развития, то общение духовного человека с необходимостью приобретает два плана, два слоя. Такой человек безусловно принимает духовное Я своего партнера, однако может или даже должен не принимать какие-либо его поступки, эмоции, поведение, детерминируемые наличным актуальным Я. По сути он становится для своего партнера помощником в процессе трансценденции (отсюда понятие «духовный Учитель»). В. Франкл пишет, что нельзя не замечать «мудрости, содержащейся в предупреждении Гете: «Если мы принимаем человека таким, какой он есть, мы делаем его хуже; если мы принимаем его таким, какой он должен быть, мы помогаем ему стать таковым» [24. С. 22]. Целью общения духовного человека с партнером становится организация такого взаимодействия, которое бы приблизило партнера к осознанию и актуализации своей духовной природы. Духовный человек использует в своем общении широчайший спектр коммуникативных стратегий, начиная со стратегии, основанной на уважении и доверии, заканчивая манипулятивными или даже доминирующими стратегиями. Характерным является то, что ни авторитаризм, ни манипуляции, ни даже доверие не явля-

ются самоцелью, но являются средством продвижения партнера на пути к духовности, средством, которое в данной ситуации, на данном уровне развития партнера является наиболее эффективным для осуществления этой главной цели.

Описав особенности коммуникации в четырех базовых психологических пространствах существования человека, можно теперь подойти к решению проблемы коммуникативной компетентности. Общепсихологический подход заставляет признать компетентным лишь такое общение, в рамках которого имеется возможность для личностного или духовного развития партнеров (то есть такое общение, которое свойственно самоактуализационному и духовному пространствам), однако социально-психологический анализ этой проблемы не может не учитывать ситуативные аспекты коммуникации, главным из которых является коммуникативная проблема, решаемая субъектом общения здесь-и-теперь.

Предложенная выше модель психологической структуры человека позволяет сформулировать основные типы проблем, которые решаются в каждом конкретном акте коммуникации. Эти проблемы можно прямо соотнести с теми основными психологическими пространствами, в рамках которых человек осуществляет себя в процессе жизни. Это, во-первых, «эгоцентрические» проблемы, то есть проблемы сохранения. Эгоцентрические коммуникативные стратегии должны «включаться» тогда, когда имеется прямая угроза целостности индивида со стороны партнера, а все попытки перевести коммуникацию на более высокий уровень терпят неудачу. В этом случае единственным выходом остается применение «адекватных» мер в целях самосохранения. Вторым типом коммуникативных проблем являются функционально-

ролевые проблемы, отвечающие задачам «организации согласованного действия». Чаще всего эти проблемы являются доминирующими в трудовых ситуациях, в которых необходимость решения групповых (производственных, научных, политических и т.д.) задач заставляет человека действовать в соответствии с групповыми целями, нормами, правилами, социальными ролями часто в ущерб возможностям развития партнеров, участвующих во взаимодействии. Третьим типом проблем, которые решаются в ходе общения, являются самоактуализационные проблемы. Эти проблемы должны стать главными в межличностном взаимодействии, и его качество определяется тем, насколько в нем удастся решить задачи самоактуализации партнеров, участвующих в общении. И, наконец, четвертым типом проблем можно назвать духовные проблемы, решение которых в индивидуальной жизни обеспечивает разотождествление наличного и духовного Я, осознание духовного единства всех людей, стремление возвысить себя и другого в Духе на основе внутреннего (но не обязательно внешнего) принятия.

Опираясь на сформулированные выше положения, можно определить коммуникативную компетентность как выбор субъектом коммуникативной стратегии наивысшего возможного в данной ситуации уровня. Или по-другому, коммуникативная компетентность определяется коммуникативной гибкостью субъекта, которая обеспечивается, во-первых, наличием в арсенале личности всех возможных коммуникативных стратегий, во-вторых, реализацией коммуникативной стратегии максимально высокого уровня, возможного в данной ситуации, которая, в свою очередь, определяется типом решаемой проблемы и коммуникативной позицией партнера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1993. 740 с.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
3. Gergen K. Realities and relationships. Soundings in social construction. Harvard University Press, 1994.
4. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3 – 17.
5. Мелибруда Е. Я – Ты – Мы: Психологические возможности улучшения общения. М.: Прогресс, 1986. 256 с.
6. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей: Учебное пособие. М.: Эксмо-Пресс, 2005. 575 с.
7. Муравьева О.И. Основные положения концепции психологических пространств существования человека // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: Материалы Сибирского психологического форума. 16 – 18 сентября 2004 г. Томск: ТГУ, 2004. С. 588 – 593.
8. Муравьева О.И. Особенности ментальности в базовых психологических пространствах существования человека // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. Томск: ТГУ, 2004. С. 56 – 76.
9. Муравьева О.И. Стратегии общения в структуре коммуникативной компетентности. Томск: ТГУ, 2003. 124 с.
10. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 5 – 19.
11. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
12. Флоренская Т.И. Диалог в работе христианского психолога // Начала христианской психологии / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.Л. Воробьева и др. М.: Наука, 1995. С. 194 – 204.
13. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1981. 176 с.
14. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: NEXT, 1994. 511 с.
15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
16. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 201 – 222.
17. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
18. Хараи А.У. Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 30 – 41.
19. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
20. Ухтомский А.А. Доминанта. М. – Л.: Наука, 1966. 274 с.
21. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 595 с.
22. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.
23. Батицьев Г.С. Найти и обрести себя. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 103 – 129.
24. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс, 2000. 368 с.

Статья представлена кафедрой психологии личности факультета психологии Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Психология» 15 февраля 2005 года.